

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ *

Академик Б. А. Рыбаков

Наиболее спорными вопросами в той области исторической науки, в которой на протяжении двух столетий идут горячие дискуссии, являются в настоящее время вопросы методики исследования.

Обе спорящие стороны — норманисты и антинорманисты — допускали натяжки при изучении исторических источников и нередко подчиняли истину тенденции. У антинорманистов эта тенденциозность проявлялась или в отождествлении варягов со славянами, или в полном умолчании о скандинавских отрядах в Восточной Европе. Это была методическая ошибка антинорманистов, умело использованная другой стороной, объявившей все вообще построения противников варяжской теории вне науки.

Однако и сами норманисты оказываются далеко не безупречными в методическом отношении: они искусственно сужают круг источников, произвольно отбирая только те, в которых говорится о варягах; они допускают очень вольные лингвистические сближения; они уклоняются от рассмотрения важнейшего — от изучения всего исторического процесса в Восточной Европе за многие сотни лет на основе всех известных нам источников (в том числе и обильных археологических данных). Существенной методической ошибкой норманистов является выборочное пользование отдельными цитатами из летописей, представление об адекватности этих цитат реальным историческим фактам и полное пренебрежение к исторической концепции авторов летописей и других древних литературных произведений.

В настоящее время исследование такой важной проблемы, как образование первого феодального государства у восточных славян, следует вести с соблюдением следующих методических условий: во-первых, необходим тщательный анализ каждого отдельного источника с учетом условий его возникновения в свое время; во-вторых, необходим комплексный анализ всех видов источников (подлинные материальные остатки древнего быта, язык, свидетельства древних авторов, юридические документы и др.), выявление согласия или противоречий в источниках и, в-третьих, исторический синтез, позволяющий связать отдельные факты и события в целостную картину развития исторического процесса на протяжении длительного времени. Поясним эту мысль только двумя примерами.

Первый пример. Была ли у русских летописцев XI—XII вв. какая-либо тенденциозность или все они всегда были объективны и беспристрастны? Труды нескольких поколений русских историков (К. Н. Бесту-

* Статья представляет собою текст краткого выступления, подготовленного для XI Международного конгресса исторических наук в Стокгольме. Незначительный объем выступления обусловил краткость изложения и ограниченность тематики. Спорных вопросов в изучении образования Киевской Руси, разумеется, значительно больше, чем автор мог затронуть в небольшом выступлении.

жева-Рюмина, А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова) подготовили почву для правильного понимания исторических концепций русских летописцев и той литературной борьбы вокруг вопроса об истоках Руси, которая началась еще при Ярославе Мудром.

Первая концепция русской истории, как и следовало ожидать, сложилась в Киеве, древнем историческом центре юго-восточного славянства, и рисовала процесс превращения Киевского племенного княжества в большую державу, столицей которой являлся тот же Киев.

Археологический материал всего I тысячелетия нашей эры подтверждает, что наиболее развитой частью восточного славянства действительно являлась земля Полян в Среднем Приднепровье.

Киевская историческая школа, сформировавшаяся на рубеже X и XI вв. (по Л. В. Черепнину — в 997 г., а по М. Н. Тихомирову — в 1007 г.), нашла продолжателей и на севере славянских земель — в Новгороде. Очень большой интерес представляет новгородский летописный свод 1050—1054 гг., названный мною «Остромировой летописью». Летопись эта весьма тенденциозна: ее составитель явно враждебен Ярославу Мудрому (казнившему посадника Константина, родственника Остромира); его летопись представляет собой политический памфлет, направленный против киевского князя. Вместе с тем автор-новгородец постоянно выпячивает роль новгородцев в общерусских событиях, идеализирует новгородских бояр, изображая их всегда благородными, великодушными, отважными рыцарями в противовес трусливому, жадному и хвастливому Ярославу, опиравшемуся на наемное войско варягов.

Автор «Остромировой летописи» четко и ясно противопоставляет Русь варягам, считая последних пришельцами из-за моря, разбойниками-«находниками» или наемными кондотьерами. Отношение автора к варягам во всех разделах его летописи резко отрицательное.

Автор-новгородец должен был считаться с фактами норманской агрессии в севернорусские земли, но он постарался изобразить эти факты так, чтобы они не слишком задевали самолюбие новгородцев.

Сообразно этому события излагались так: сначала Словене, Кривичи, Меря и Чудь платили варягам дань; часть варягов, оказавшаяся внутри земель этих племен, «насилие деяху» им. Тогда перечисленные племена начали войну с варягами, выгнали варягов за море «и начаша владети сами себе». Этот тезис о новгородском самоуправлении на долгое время становится лейтмотивом новгородского боярского летописания, формулой феодально-республиканской идеологии.

Недаром рассказ об изгнании варягов связан с построением Новгорода как оплота местного населения и с избранием старейшиною Гостомысла. Воинственное начало новгородской истории здесь в известной мере противопоставлено более скромному началу общерусской истории, ознаменованному постройкой Киева. Нет еще и грубого, бесцеремонного отеснения Киева на второй план, но чувствуется, что все внимание автора устремлено к героической истории Новгорода и свободолюбивым новгородцам.

Появление новых варяжских отрядов в 860—870 гг., привлеченных известиями о могуществе Киевской Руси, державшей к этому времени в своих руках путь «из грек в варяги», облечено автором «Остромировой летописи» в приличную (хотя и недостоверную) форму преднамеренного и вполне добровольного призвания варягов новгородцами.

Боясь усобиц и внутреннего разлада, новгородцы искали себе такого князя, «иже бы владел нами и рядил ны по праву».

В повествовании о Рюрике, Синеусе и Труворе летописец, очевидно, воспользовался каким-то варяжским устным рассказом, где речь шла о приходе конунга Рюрика со своими родичами («Синеус») и верной дружиной («Трувор»). Анекдотические «братья» Рюрика только подтвер-

ждает легендарность призвания и его источник — устный скандинавский рассказ.

Легенда о трех братьях-варягах являлась литературной параллелью к киевскому сказанию о трех братьях — строителях Киева, помещенному в первом разделе этой же летописи. Но историческая последовательность здесь еще не была нарушена: на первой странице излагалось начало общерусской истории, связанное с Киевом, а затем говорилось о том, что и у Новгорода была своя история, свое начало государственности, гармонизировавшее со свободолобивым духом самих новгородцев.

Все дальнейшее изложение говорит об антиваряжской направленности Новгородской летописи: Олег назван варяжским князем («...и бысть у них князь именем Олег»), и летописец описывает захват Киева Олегом как неблагоприятный поступок вероломного норманна.

В событиях эпохи Игоря подчеркивается жадность варяга Свенелда.

Княжение Владимира — первого выбранного новгородцами князя — и правление его дяди Добрыни воспеты панегирически, напоминая стиль былин «Владимирова цикла». Княжение Ярослава, опиравшегося на наемных варягов, описано негодующе, со злобной иронией. Варяги, «творившие насилье новгородцам и женам их», показаны жадными, трусливыми и разнузданными.

Вероятно, именно этот летописец новгородских посадников сохранил для потомства такой антиваряжский указ, как «Правда Ярослава» 1016 г., исторгнутый у князя новгородцами перед походом на Святополка. В нем варяги поставлены в неполноправное положение (§ 10) и не упомянуты в числе тех, чьи права ограждает эта грамота.

По иронии судьбы произведение ярого «антинорманиста», новгородца, ненавидевшего варяжскую гвардию Ярослава, в дальнейшем послужило основой проваряжской концепции последнего (третьего по счету) редактора «Повести временных лет».

На протяжении XI в. киевские и новгородские историки нередко полемизировали друг с другом. Одним из предметов спора была деятельность киевского князя Ярослава Мудрого, «самовластца» Русской земли, которого киевские эпиграфические памятники называют даже «царем нашим». И киевская летопись и «житие Бориса и Глеба» стремились оправдать и возвеличить Ярослава (А. Н. Насонов).

Вторым пунктом спора был вопрос о начале русской государственности.

Современники новгородского посадника Остромира — киевлянин Иаков-мних и митрополит Илларион — в своих исторических экскурсах ни слова не говорят о варягах и о времени варяжского междоусобия в Киеве. Династию Владимира Святого они никогда не связывают с Олегом или Рюриком. Этих князей они нередко вообще не упоминают, считая их, очевидно, промежуточными эпизодами в истории Новгорода и Киева. Зато тем большим вниманием окружают киевские историки имя первого великого князя, основателя Киева и династии полянских князей. Кия горделиво сопоставляют с Ромулом, основателем Рима, Александром Македонским, основателем Александрии, и с Антиохом Великим (свод 1095 г.).

Когда произведения киевских историков попадали в Новгород, то там они подвергались бесцеремонной и неумной переделке: в заголовке имя Киева оттеснялось вставленным чужою рукой именем Новгорода («како избра бог страну нашу... преже Новгородчкая волость и потом Киевская...», I Новгородская летопись), историческое место Киева снижалось пренебрежительной версией, что, может быть, и не было великого князя Кия, а был всего-навсего перевозчик через Днепр или охотник Кий; время жизни его очень искусственно приравнивалось ко времени призвания варягов. Все это были грубоватые домыслы новгородских

книжников, рассчитанные только на сочувствующий круг читателей-новгородцев, враждовавших в то время с Киевом.

Тот корректный и рыцарственный тон по отношению к Киеву, который господствовал в «Остромировой летописи», здесь был заменен неуклюжими выпадами против Киева и совершенно недостоверным изображением общерусских событий и их исторической последовательности. Кругозор этих новгородских писателей был ограничен только новгородской окраиной Руси.

Наибольшее влияние на все позднейшие поколения историков — от средневековых монахов до ученых XX века — оказала так называемая третья редакция «Повести временных лет», созданная, как доказал А. А. Шахматов, в 1118 г. под руководством князя Мстислава Владимировича.

Первоначальный труд Нестора, насколько мы можем о нем судить, представлял собой замечательное по широте замысла произведение. Опускаясь вглубь на 6—8 столетий, Нестор дал яркую картину исторической жизни всего славянского мира от Эльбы до Волги и от Балтики до Адриатики. Расставив международные хронологические вехи (нашествия определенных кочевых орд на Дунай, царствование византийских цесарей), Нестор показал глубокую древность основания Киева и племенного княжения Полян (до VII в.); привлекая эпический материал, он доказал княжеское достоинство Кия, бывшего почетным гостем императора Византии.

Говоря о Киевской Руси, Нестор не забывал сказать, что одновременно складывались еще два могучих славянских государства — Болгарское царство и Великоморавская держава.

Прекрасное знание русских, греческих, болгарских, западнославянских источников позволило знаменитому киевскому историку дать широкое и яркое историческое полотно и иллюстрировать жизнь древних славян параллелями, касающимися то Британии, то Индии, то Китая.

Труд Нестора был закончен незадолго до того, как умер его покровитель князь Святополк и после вспыхнувшего восстания 1113 г. киевское боярство пригласило на великокняжеский стол Владимира Мономаха. Летопись Нестора сразу оказалась в невыгодном положении и в новых условиях потребовала переработки в духе нового князя, двадцать лет враждовавшего с заказником летописи Святополком.

Переработка игумена Сильвестра (1116 г.) почти не затронула, как известно, вводной части «Повести временных лет», но, вероятно, именно поэтому она и не удовлетворила Мономаха.

В окончательный вид летопись была приведена в 1118 г. под наблюдением Мстислава, сына Мономаха (А. А. Шахматов). Всю свою молодость Мстислав провел в Новгороде; первым браком он был женат на дочери шведского короля, а вторым — на дочери новгородского посадника.

«Вскормленный» новгородским боярством, связанный узами родства с монархами «Варяжского моря», Мстислав являлся проводником варяжско-новгородского духа в киевском летописании. Время княжения Мстислава в Новгороде было временем укрепления сепаратистских стремлений этого города.

Новгородское боярство, не отягощенное напряженной борьбой с половецкой степью, широко торговавшее со странами Балтики — «Варяжского моря», удаленное от Киева на 1 000 км, стремилось обособиться, почувствовало себя политической силой. Все чаще в новгородских летописях встречаются слова: «новгородцы выгнаша князя», «новгородцы введоша князя».

Отвоевывая для себя князя Мстислава в 1102 г., новгородцы, во-первых, нарушили договор между князьями, а во-вторых, вступили в конфликт со Святополком Киевским, пригрозив убить его сына, если тот

станет конкурировать с Мстиславом. И вот спустя пятнадцать лет в руки этого Мстислава попадает рукопись Нестора с ее киевской ориентацией, с ее многовековым и красочным «доваряжским» периодом в истории Руси, с ее вниманием к далеким событиям VI—VII вв., то есть того времени, когда Новгород не было еще и в помине.

Редакторская работа первого «норманиста» в русской историографии выразилась в следующем: во-первых, он бесцеремонно сократил и перепутал текст Нестора; сокращению подвергся наиболее интересный раздел о киевских князьях IX в. до появления там варягов. Во-вторых, он насильственно вставил в текст много разнородных данных о Новгороде и варягах, нарушая логическую связь текста и достоверность Несторова изложения.

Новгородско-варяжская тенденция пронизывает всю работу этого редактора. Он отыскал в «Остромировой летописи» легенду о добровольном призвании князей-варягов в Новгород и расчистил для нее место в Несторовом тексте, выбросив часть «Сказания о грамоте славянской» и другие важные материалы. Если в «Остромировой летописи» легенда о призвании князей сочеталась с антипатией к варягам-«находникам» и должна была только иллюстрировать право Новгорода на выбор князей, то теперь, в XII в., редактор «Повести» возводит призвание князей в общий принцип (ведь его отец был «призван» на киевский стол в 1113 г.) и всю русскую государственность начинает не с юга, а с севера, с Новгорода, хотя это и противоречит всем известным нам фактам (данные археологии и всех иноземных письменных источников говорят о киевском юге).

Рука сторонника Новгорода ощущается и в той редакционной путанице, которая возникла по поводу слов «словенский язык». Нестор подразумевал под этим «славянские народы», «славянство» и сравнивал славянство с Киевской Русью, с Полянами, а редактор-новгородец, вспомнив о племени Словен Ильменских, привнес сюда областной, краеведческий смысл. Все это спорное место должно было выглядеть так:

Текст Нестора:

«...От него же (словенского) языка и мы есмо, Русь... А словенский язык и русский одно есть — аще и Поляне звахуся, но словенскаяа речь бе».

Вставка редактора (перед словом «аще»):

«От варят бо прозвахуся Русью, а первое беша Словене». Прямой смысл здесь только тот, что варяги называли новгородских Словен русскими, а вовсе не тот, что варяги сами называли себя Русью и от них так стали называться славяне.

Кроме того, редактор 1118 г. стремился возвеличить вешего Олега, включил в летопись подлинный текст договора 911 г. с именами послов-варягов и какое-то сказание об осаде Царьграда, сочинил перечень племен, якобы освобожденных Олегом от хазарской зависимости. Эта тенденция к прославлению Олега находится в противоречии с другими данными летописи: оказывается, русские люди даже толком не знали, где умер этот князь, временно находившийся в Киеве, но предпочитавший жить в Ладоге. Место его смерти указывали в трех местах: в Киеве (в урочище «Олегова могила»), в Ладоге и «за морем».

В других местах летописи, там, где первоначальный автор порицал варягов-наемников, редактор стремился вставить благожелательную фразу о варягах. Так, в рассказ об изгнании варяжского наемного отряда Владимиром Святым из Киева в 980 г. вставлены, нарушая весь смысл повествования, слова: «И избра от них мужи добры, смыслены и храбры и раздая им грады». Этой фразой редактор хотел сгладить впечатление от неблагоприятных действий варяжской вольницы, «творившей зло» в Киеве, но сделал это очень неумело, разорвав целостный рассказ Нестора.

К началу XII в., ко времени редакторской работы полуваряга-полуновгородца Мстислава, сам по себе варяжский вопрос потерял свою остроту. Никто из князей не нанимал уже варяжских ландскнехтов, феодальное окружение князей было чисто русским (иногда с финской или тюркской примесью), а варяги появлялись в русских городах уже в качестве купцов, гостей, а не буйных наемных солдат.

Возможно, что с именем того же Мстислава мы должны связывать изменения в русском законодательстве о варягах: в «Правде Ярослава» (1016 г.) варяг, как потенциальный обидчик, неполноправен; в «Пространной Русской Правде» (по Бауэру, 1125—1150 гг.), варяги уже не только уравниваются в правах по тем пунктам, о которых говорит «Правда Ярослава», но и получают некоторое преимущество (§ 18), связанное, очевидно, с международным правом. К этому времени термины «варяг», «варяжский» приобрели более широкое значение в смысле «европейский» (например, католичество — «вера варяжская»).

Редактирование «Повести временных лет» было, вне всяких сомнений, тенденциозным. Новгородско-варяжская концепция редактора 1118 г. сказывалась во всем и окрашивала дошедший до нас текст определенным образом.

Уже для А. А. Шахматова (1908 г.), М. Д. Приселкова (1923 г.) и Н. М. Никольского (1930 г.) была вполне ясна эта тенденциозность. Забвение о ней может явиться серьезной методической ошибкой и привести к ложным построениям.

Второй пример методической спорности может быть приведен из области социально-политической структуры Древней Руси.

Сопоставление данных VI—VII вв. (то есть безусловно «доваряжского» периода) с данными XII в. показывает нам, что кратковременный период существования в Восточной Европе варяжских отрядов никак не сказался на устойчивых общностях, просуществовавших несколько столетий.

Методически неправильно сосредоточивать внимание только на том узком отрезке времени, когда в летописях упоминаются варяги; это лишает возможности понять сущность и конкретные формы исторического процесса в целом.

Спорными долгое время были вопросы об эволюции социально-политического строя древних славян. В настоящее время твердо установлено, что земледелие в районе основного ядра Киевской Руси насчитывало к моменту возникновения государства свыше 3 000 лет.

При изучении социально-политической структуры очень важно обратить внимание на исторические судьбы союзов племен (летописных «княжений»), сложившихся задолго до появления варягов.

Летописные «племена» (Радимичи, Древляне, Кривичи и др.) всегда привлекали внимание историков как с географической стороны (Е. В. Барсов, М. К. Любавский и др.), так и со стороны их политической структуры. Давно уже выявилась тенденция рассматривать их как первые политические объединения нескольких «колен» (Н. И. Хлебников, Н. И. Костомаров, С. М. Середонин и др.).

А. А. Спицын впервые распределил археологический материал IX—XIII вв. между летописными объединениями, что позволило в дальнейшем уточнить границу их территорий (Ю. В. Готье, А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков и др.).

Дискуссия 1937 г. о «расселении древнерусских племен по археологическим данным» выявила, что летописные «племена», земли которых совпадают с ареалами определенных типов археологических вещей, следует рассматривать как союзы племен (П. Н. Третьяков). Удалось по

деталюм погребального обряда IX—XII вв. определить первичные племена, из которых сложились союзы Радимичей и Вятичей (Г. Ф. Соловьева). Каждый союз включал 8—10 племен, что соответствует, например, союзу Лютичей или союзу Бодричей. Некоторые союзы племен удалось проследить вплоть до VI—VII вв. н. э., как, например, союз лесостепных племен под гегемонией Руси, союз Кривичей, союз Словен Новгородских.

Археологические ареалы курганных вещей XI—XII вв. в значительной мере совпадают с теми политическими границами, которые установились к середине XII в. (более ранние изменчивые границы не отразились), в период кристаллизации феодальных земель-княжеств, на которые окончательно распалась Русь. Правильно истолковать это совпадение можно, только рассмотрев весь процесс возникновения феодальной раздробленности.

В развитии феодализма всегда сосуществуют сеньориальное, вотчинное начало и начало домениальное. В русских условиях процесс формирования и развития сеньории «земских бояр» проходил, почти не отражаясь в источниках.

Особенностью русского княжеского домена в XI — первой половине XII в. было совместное владение им всеми членами княжеской династии. Это было сопряжено с переделами, постоянными переездами князей из города в город, спорами и усобицами. Попытки князей урегулировать свои взаимоотношения (съезд в Любече в 1097 г.) были безуспешны.

Развитие производительных сил привело в XI—XII вв. к усилению значения ряда старых русских городов, в которых группировалось земское вотчинное боярство. Боярство было заинтересовано в «строе земельном», в организации власти на местах, в прекращении княжеских переездов.

В первой половине XII в. при активном вмешательстве боярства происходит создание земель-княжеств, удовлетворявших этим требованиям. От центра каждого княжества было 3—4 дня пути до его границ; в каждом крупном городе появились свои князья — родоначальники династий, владевших этим княжеством. Все это содействовало дальнейшему расцвету культуры отдельных княжеств.

Количество новых княжеств XII в. и площадь их территории примерно совпадают с количеством племенных союзов более раннего времени. Старые центры племенных союзов стали центрами новых феодальных княжеств (Смоленск, Полоцк, Муром, Новгород и др.). Сопоставление карты племенных союзов с картой феодальных земель-княжеств XII в. приводит к следующему:

а) «Русский союз племен» к этому времени был поделен на три части, соответственно трем древним центрам Руси (Киев, Чернигов, Переяславль).

б) Территория Древлянского союза племен, долго враждовавшего с Полянами, окончательно вошла в состав Киевского княжества.

в) Территория Радимичско-Вятичского союза и Северянского союза племен вошла первоначально в состав Черниговского княжества; в середине XII в. Северская земля оформилась в самостоятельное княжество.

г) Волинское княжество надо сопоставлять с древней землей Воляний, Полоцкое — Полочан (маленькой федерации, выделившейся из Кривичского союза племен), Турово-Пинское, очевидно, — с землей Дреговичей; основное ядро Новгородской республики — с землей Словен.

д) Галицкое княжество, возможно, являлось землей древних Белых Хорватов, а южные владения галицких князей включали разбитые кочевниками в XI в. остатки Тиверцев и Уличей.

е) Северо-восточные княжества (Суздальское, Муромское, Рязанское) являются единственным нарушением преемственности, что объясняется процессом колонизации этих земель славянами из Кривичского и

Вятичского союзов. Тем не менее в основе княжеств XII в. и в данном случае лежат древние племенные союзы, но не славянские, а чудские: Морянский, Муромский и, быть может, Эрзянский (?).

В эпоху единой Киевской Руси, стоявшей между древними племенными союзами VII—IX вв. и позднейшими обособленными княжествами XII в., мы наблюдаем внимание центральной власти именно к тем городам, которые были раньше центрами племенных союзов, а впоследствии стали столицами княжеств. Владимир Святой разместил сыновей в качестве своих посадников следующим образом: Древлянская земля, Полоцк, Смоленск, Владимир-Волынский, Новгород, Псков, Ростов, Муром, Туров, Тмутаракань.

Псков был, возможно, центром северо-западных Кривичей после распада всего союза на три части. Тмутаракань, форпост на юге,— единственное исключение. Не было сыновей-посадников в земле Радимичей и Вятичей и в землях Тиверцев и Уличей (занятых к этому времени печенегами).

Правнуки Владимира в 1097 г. делили между собой те же самые города, которые при Владимире были административными центрами.

Названия племенных союзов («своих княжений») известны нам по русским, византийским, арабским и хазарским источникам на протяжении трех или четырех столетий. Эти названия сохранены нам разными летописцами XI и XII вв., церковными писателями XI—XIII вв., «Русской Правдой». Часть наименований исчезла из живой речи XI—XII вв. (Уличи, Тиверцы, Хорваты, Бужане), что объясняется историческими условиями. Большая часть названий племенных союзов сохранилась в живой речи русских людей XII в. как привычные географические понятия, не требовавшие никаких пояснений.

Единство терминологии в разных источниках и длительность ее бытования (Волынь, Северская земля — до XVII—XX вв.) свидетельствуют об устойчивости территорий племенных союзов.

Летописные названия Древлян, Радимичей, Кривичей, Северян и др. были так же устойчивы, как и археологические ареалы; и те и другие устояли в феодальных бурях XI—середины XII в. и не подвергались тем мгновенным изменениям, которым были подвержены шаткие рубежи княжеских «волостей», размеры которых менялись в зависимости от военной удачи той или иной кампании.

Союзы племен — устойчивые общности, бывшие в свое время высшим пределом организационной структуры родо-племенного строя — не исчезали совершенно при появлении феодальной формации. Земли племенных союзов были, очевидно, первой формой административного деления Киевской Руси, и впоследствии именно по их рубежам раскололась Русь в XII в., когда полтора десятка княжеств (равных западным королевствам) заменили собой единую раннефеодальную монархию.

Использование археологических материалов XII в. показало, что общность, достигнутая в дофеодальное время, не исчезала, а продолжала существовать во все время княжеских усобиц и быстрой смены границ временных княжеских владений. Общность культуры оказалась более устойчивой. Совпадение княжеств XII в. с племенными союзами одинаково интересно и для истории последней стадии первобытного общества и для истории феодальной раздробленности XII века.

Варяги-норманны не имели никакого отношения ни к первичному процессу формирования союзов племен в VI—VII вв., ни к сохранности и устойчивости феодальных политических границ X—XII вв., ни к той культурной общности, которая наблюдается внутри этих границ, ни к объединению этих областей воедино. Той силой, которая объединяла отдельные союзы племен, был Русско-Полянский племенной союз, возникший в наиболее развитой области, в Среднем Приднепровье, окрепший в успешной борьбе с аварами и хазарами, ставший известным под именем

«Рос» на Ближнем Востоке уже в VI в. н. э. и постепенно вовлекший в свою орбиту Древлян, Дреговичей, Северян, Полочан и даже Словен Новгородских.

Историческая роль варягов в русской истории во много раз меньше, чем роль печенегов или половцев, и меньше, чем роль норманнов в истории Англии и других приморских стран.

Уже во второй половине X в. варяги были переведены из положения «находников» в положение простых наемников.

Киевское государство (равно как и Великоморавское) создано в результате внутреннего процесса классового образования. Варяги не могли ни ускорить, ни существенно задержать этот процесс.

На приведенных выше двух примерах мы стремились показать, что главными спорными вопросами являются вопросы методики использования имеющихся в нашем распоряжении исторических источников.

В русских летописях, остающихся основным материалом для суждения о начале Руси, очень явно ощущается проваряжская тенденциозность, забвение которой приведет к серьезным ошибкам.

Второй пример показывает нам необходимость широкого, синтетического изучения явлений, связанных с государственностью, и глубокую древность отдельных ее элементов.

Забвение этого условия также повлечет за собой искажение исторического процесса.

Совместные усилия всех ученых, интересующихся Древней Русью, должны быть направлены на уточнение методов анализа и синтеза.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНА И. Ф. СКОБЫ